

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф.Шатило

город Санкт-Петербург

19 апреля 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 УК Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.Ф.Шатило. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г.А.Гаджиева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 178 УК Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере (часть первая) и если оно причинило особо крупный ущерб либо повлекло извлечение дохода в особо крупном размере (пункт «в» части второй). Пункт 1 примечаний к данной статье устанавливает, что доходом в крупном размере в ней признается доход, сумма которого превышает пятьдесят миллионов рублей, а в особо крупном размере – двести пятьдесят миллионов рублей.

1.1. Приговором Самарского районного суда города Самары от 31 июля 2019 года гражданин С.Ф.Шатило признан виновным в покушении на преступление, предусмотренное пунктами «а», «в» части второй статьи 178 УК Российской Федерации, и ему назначено наказание в виде трех лет и шести месяцев лишения свободы. Суд установил, что С.Ф.Шатило, будучи единственным участником и директором общества с ограниченной ответственностью, заключил противоправное соглашение, направленное на победу этого общества в электронном аукционе на выполнение работ по техническому обслуживанию и ремонту дорогостоящего медицинского оборудования для бюджетных учреждений здравоохранения Самарской области. По условиям этого соглашения другая коммерческая организация

отказывалась от участия в аукционе и от обжалования его результатов в обмен на заключение с ней договора субподряда, а еще одна приняла участие в аукционе лишь формально. В итоге победителем признано общество, возглавляемое С.Ф.Шатило, причем снижение участниками в ходе аукциона цены запасных частей к оборудованию, а также его обслуживанию и ремонта было незначительным.

Квалифицируя содеянное, суд исходил из того, что доход, который С.Ф.Шатило намеревался получить, реализовав преступный умысел, равен предусмотренному в заключенном контракте (контрактах) максимальному значению цены (768 022 105,66 руб.), а значит, в силу пункта 1 примечаний к статье 178 УК Российской Федерации является особо крупным. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 15 июля 2021 года приговор изменен, а назначенное наказание постановлено считать условным. При этом суд апелляционной инстанции отметил, что сумма полученного виновным дохода – с учетом квалификации деяния в качестве покушения на преступление – обоснованно определена как весь доход, полученный за все время существования картельного соглашения (выручка). В свою очередь, судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции, в определении от 9 февраля 2022 года подтвердив законность постановленного приговора, согласилась с тем, что весь доход, полученный в случае ограничения конкуренции, является незаконным, как и в случае незаконного предпринимательства, поскольку при соблюдении закона хозяйствующий субъект не смог бы осуществить такую деятельность, а признание победителем аукциона состоит в прямой причинно-следственной связи с совершением уголовно наказуемого деяния.

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 августа 2022 года отказано в передаче кассационной жалобы в защиту С.Ф.Шатило для рассмотрения в судебном заседании данного суда.

1.2. С.Ф.Шатило оспаривает конституционность положений статьи 178 УК Российской Федерации, а фактически – исходя из доводов его жалобы – части первой и пункта «в» части второй данной статьи, а также пункта 1 примечаний к данной статье, которые были применены в его деле и с которыми он связывает нарушение своих прав. По его мнению, эти нормы не соответствуют статьям 1 (часть 1), 15 (части 1 и 4), 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 48, 49, 50 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3), 120 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют суду при определении крупного и особо крупного размера дохода для целей привлечения лица к уголовной ответственности за ограничение конкуренции учитывать цену контракта, заключенного этим лицом по результатам торгов, но не учитывать подлежавшие уплате в связи с исполнением этого контракта налоги, себестоимость производства работ и норму прибыли предприятия.

Таким образом, с учетом предписаний статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются часть первая и пункт «в» части второй статьи 178 УК Российской Федерации, а также пункт 1 примечаний к данной статье в той мере, в какой на их основании судом решается вопрос об определении размера дохода, который был извлечен в результате заключения ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) с целью повышения, снижения или поддержания цен на торгах.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая в числе основ конституционного строя поддержку конкуренции, признание и защиту свободы экономической деятельности, запрещает – с учетом ее положения о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других, – экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 8, часть 1; статья 17, часть 3; статья 34, часть 2). Как одно из неперемennых условий устойчивого экономического роста защита конкуренции предполагает

установление законодателем в пределах его полномочий правовых основ единого рынка и ценовой политики, создание федеральных экономических служб, принятие гражданского, административного и уголовного законодательства (статья 71, пункты «ж», «о»; статья 72, пункт «к» части 1; статья 75¹ Конституции Российской Федерации).

В России должны создаваться благоприятные условия для развития экономической системы, приниматься меры, направленные на достижение конституционно значимой цели оптимального регулирования экономических отношений, что требует стимулирования свободной рыночной экономики, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как важных ее субъектов, а также надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости, надежности гражданского оборота, эффективной судебной защиты прав и законных интересов его участников (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 года № 6-П, от 18 июля 2008 года № 10-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и др.). Обеспечивая единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, свободу хозяйственной деятельности, защиту конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков, законодатель вправе самостоятельно определять содержание применяемых мер частно- и публично-правового характера, соблюдая требования равенства и справедливости, пропорциональности и недискриминационности ограничений прав, с тем чтобы не нарушался баланс прав и обязанностей всех участников рыночного взаимодействия. В случае недостаточности регулятивных мер законодатель может задействовать меры принудительные, в том числе уголовно-правовые, но исходя из того, что они должны иметь основание в федеральном законе и быть строго необходимыми для защиты конкуренции и иных конституционных ценностей, включая экономическую безопасность государства, защиту интересов субъектов хозяйственной деятельности, в частности добросовестных конкурентов и потребителей.

Из принципов правового государства и справедливости вытекают требования формальной определенности и непротиворечивости правового регулирования, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания нормы, которое исключает противоречивую правоприменительную практику и предполагает одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях. Иное ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 июня 2013 года № 15-П, от 22 апреля 2014 года № 12-П, от 14 июля 2015 года № 20-П и др.). Ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм обязательны в уголовном законе, изданием и применением которого в качестве исключительного средства государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений, если ее не могут обеспечить должным образом нормы иных отраслей права. Установление или изменение составов преступлений и мер ответственности связано критериями соразмерности ограничения прав и свобод конституционно значимым целям и принципом равенства всех перед законом (статья 19, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации), из которого следует, что любое уголовное правонарушение и санкция за его совершение должны быть четко определены в законе так, чтобы исходя непосредственно из текста нормы (при необходимости – с помощью толкования, данного ей судами) каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий или бездействия (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 года № 17-П и от 24 мая 2021 года № 21-П).

Меры публично-правовой ответственности за несоблюдение установленных запретов, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, должны быть согласованы с конституционными принципами правового государства в его взаимоотношениях с частными субъектами, включая принципы вины и справедливости. Недопустимо

избыточное государственное принуждение, неадекватное тому вреду, который причинен в результате правонарушения, и не обеспечивающее баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств. В правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность, при отсутствии которой деяние не может считаться уголовно наказуемым. Будучи в силу своей природы крайним средством, с помощью которого государство реагирует на факты правонарушающего поведения, уголовный закон распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью норм иной отраслевой принадлежности, в том числе норм об административной ответственности, оказывается недостаточным (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.), с тем, однако, чтобы не нарушались принципы равенства и правовой определенности, учитывалась типовая оценка общественной опасности, определяющая выбор уместных мер принуждения (постановления от 25 апреля 2018 года № 17-П и от 24 мая 2021 года № 21-П). Кроме того, законодательные и правоприменительные органы должны обеспечивать взаимную согласованность предметно связанных между собой норм разной отраслевой принадлежности (Постановление от 17 февраля 2022 года № 7-П, Определение от 5 декабря 2019 года № 3273-О и др.), в том числе норм антимонопольного регулирования и норм об ответственности за его нарушение.

Соответственно, уголовная ответственность за посягательства на свободу экономической деятельности и конкурентные основы рыночных отношений может считаться законно установленной и отвечающей статьям 19, 54 и 55 Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления, признаки которого, отграничивающие его от иных противоправных деяний, ясно и четко

сформулированы в уголовном законе, встроенном в общую систему правового регулирования.

3. В очерченных Конституцией Российской Федерации (включая часть 2 ее статьи 54) пределах законодатель полномочен самостоятельно определять содержание уголовного закона, используя надлежащие средства юридической техники, конкретизируя объективные и субъективные признаки основных и квалифицированных составов преступлений, виды и размеры наказаний за их совершение и тем самым дифференцируя ответственность. Статья 178 УК Российской Федерации об ответственности за ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) является с точки зрения юридической техники бланкетной, поскольку не содержит перечня запрещенных деяний, вместо этого прямо отсылая к нормам антимонопольного законодательства. Для обеспечения обязательности антимонопольных мер статья 37 Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» закрепляет, что ответственность за нарушение антимонопольного законодательства несут в числе иных указанных в ней субъектов коммерческие и некоммерческие организации и их должностные лица, физические лица, включая индивидуальных предпринимателей. В ряду деяний, запрещенных данным Федеральным законом, его статья 11 называет картель – соглашение между хозяйствующими субъектами, продающими или приобретающими товары на одном товарном рынке, которое приводит или может привести к указанным в этой норме последствиям, в частности к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах (пункт 2 части 1). При этом в качестве способов реагирования на картель законодатель ввел меры как уголовной (статья 178 УК Российской Федерации), так и административной ответственности (статья 14.32 КоАП Российской Федерации), разграничив случаи их применения в зависимости от последствий совершенного деяния.

Ограничение конкуренции путем заключения картеля образует состав преступления только при условии наступления последствий от данного деяния в виде причинения крупного или особо крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо при извлечении дохода в крупном или в особо крупном размере. Иными словами, законодатель предусмотрел два альтернативных криминообразующих признака содеянного: ущерб и доход. Поскольку совершение таких деяний наносит (способно нанести) серьезный урон конкуренции между хозяйствующими субъектами, приводит (может привести) к нарушению прав граждан (потребителей), а в случае заключения антиконкурентного соглашения в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд также не позволяет обеспечить эффективность расходования бюджетных средств, угрожает полноте выполнения государством социальных и экономических обязательств, введение уголовной ответственности за эти преступления, представляющие общественную опасность, выраженную, помимо прочего, через размер причиненного ущерба или размер неосновательно полученного дохода, само по себе не может рассматриваться как избыточное ограничение прав и свобод. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, в подобных случаях размер дохода выступает объективным показателем, характеризующим объем (масштаб) предпринимательской деятельности и, значит, реальную степень угрозы охраняемым ценностям (Определение от 10 октября 2019 года № 2685-О), притом что использование в определенных случаях конкурентных процедур отбора контрагентов является общемировой практикой и обусловлено как необходимостью удовлетворить интерес заказчика в заключении договора на лучших для него условиях и с лучшим контрагентом, так и публично-правовыми по своей сути задачами защиты конкуренции и профилактики коррупционных нарушений (Постановление от 23 декабря 2022 года № 57-П).

3.1. Осуществляя дискреционные полномочия, законодатель вправе по-разному подходить к определению понятия «доход». При этом из принципов

правовой определенности и равенства всех перед законом следует невозможность толковать разным (по существу, противоположным) образом одну и ту же по своему функциональному назначению экономико-правовую категорию, по крайней мере если из конкретной правовой нормы с учетом ее места в системе правового регулирования не следует, что законодатель осознанно придавал этой категории иное значение, чем в иных нормах и правовых институтах.

При толковании в каждом случае понятия «доход» – в отсутствие легальной дефиниции такового применительно к конкретной сфере правоотношений – надлежит учитывать как отраслевую принадлежность правового института, в котором используется данный термин, так и его системную связь с иными правовыми предписаниями, а равно цели, которые преследовал законодатель, употребляя его самостоятельно или наряду с понятиями «выручка», «прибыль», «чистый доход» и т.п.

В частности, анализируя понимание дохода, полученного от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции и подлежащего перечислению в федеральный бюджет по предписанию антимонопольного органа (статья 23 и часть 3 статьи 51 Федерального закона «О защите конкуренции»), Конституционный Суд Российской Федерации истолковал его как включающее все полученное от совершения такого деяния, в том числе все полученное в качестве оплаты товаров, работ и услуг, поставленных по контракту, заключенному на торгах (Постановление от 17 февраля 2022 года № 7-П). Причем он не мог не учитывать, кроме прочего, и то, что в ранее действовавших нормах Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», напротив, использовался термин «прибыль, полученная в результате нарушения антимонопольного законодательства», т.е. законодатель целенаправленно отказался от применения данной экономико-правовой категории в актуальном регулировании.

Обращаясь к понятию «доход», Конституционный Суд Российской Федерации также отметил, что само по себе отсутствие его формализованного определения в статье 171 УК Российской Федерации о незаконном предпринимательстве не дает оснований считать, что это понятие не имеет законодательно установленных рамок, вследствие чего допускается его произвольное истолкование. Законодатель, предусматривая в уголовном законе ответственность за те или иные посягательства на общественные отношения, урегулированные другими отраслями права, в значительной мере опирается на положения, содержащиеся в соответствующих нормах. Органы предварительного расследования и суды, определяя в ходе производства по уголовному делу содержание такого понятия, обязаны исходить из текста не только данной статьи, но и других норм уголовного закона, а также из предписаний тех законов, которые регламентируют предпринимательскую деятельность и из которых в их системной связи следует, что в случае незаконной экономической деятельности размер преступного дохода определяется исходя из выручки, полученной лицом за все время такой деятельности, без вычета расходов этого лица, связанных с ее осуществлением (определения от 20 ноября 2003 года № 431-О, от 25 ноября 2010 года № 1523-О-О и от 29 марта 2016 года № 637-О).

Со своей стороны, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 12 постановления от 18 ноября 2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» разъяснил, что под доходом применительно к статье 171 УК Российской Федерации следует понимать выручку от реализации товаров, работ, услуг за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов.

В статье 178 УК Российской Федерации установлена ответственность за деяния, нарушающие закрепленный в статье 11 Федерального закона «О защите конкуренции» запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов, а под такими субъектами в данном Федеральном

законе понимаются коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в этом качестве, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (пункт 5 статьи 4). Следовательно, термин «приносящая доход деятельность» не может для целей возложения уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства интерпретироваться принципиально по-иному, нежели применительно к статье 171 УК Российской Федерации.

Такое единое понимание термина «доход» для целей статей 171 и 178 УК Российской Федерации, безусловно, не вступает в коллизию с запретом применения уголовного закона по аналогии (часть вторая статьи 3 данного Кодекса), поскольку нет оснований предполагать, что такое единство не присуще изначально этим и другим положениям уголовного закона, включенным в одну его главу, выделенную законодателем исходя из общности объекта преступного посягательства.

Величина понимаемого таким образом дохода от деятельности или действий – когда они формально нарушают правовые запреты – выступает объективным индикатором достижения противоправным поведением той степени общественной опасности, которая говорит о необходимости задействовать принудительный потенциал уголовного права. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в пунктах 1 и 2 примечаний к статье 178 УК Российской Федерации размер дохода как криминообразующий и квалифицирующий признак в разы отличается от размера ущерба – альтернативного ему признака: крупным признается ущерб, сумма которого превышает десять миллионов рублей, а особо крупным – тридцать миллионов рублей; доходом же в крупном размере признается превышающий пятьдесят миллионов рублей, а в особо крупном – превышающий двести пятьдесят

миллионов рублей. Потому включение этого признака в качестве криминообразующего в статью 178 УК Российской Федерации и его конкретизация в пункте 1 примечаний к ней именно в таком же его понимании, что и в статье 171 УК Российской Федерации, согласуется с конституционными требованиями, предъявляемыми к публично-правовой ответственности и вытекающими из принципов правовой определенности и юридического равенства, служащих неотъемлемыми условиями правового государства.

Необоснованность придания понятию «доход» в статье 178 УК Российской Федерации иного содержания также проявляется в сопоставлении его с используемым в статье 185³ «Манипулирование рынком» УК Российской Федерации понятием «излишний доход», который для целей криминализации деяния установлен существенно меньшим по сравнению с доходом в статье 178 УК Российской Федерации и при этом равным размерам таких альтернативных криминообразующих и квалифицирующих признаков, как ущерб и убытки.

3.2. Криминообразующие признаки деяния, запрещенного статьей 178 УК Российской Федерации, подлежат установлению во взаимосвязи с положениями его Общей части, в том числе о понятии преступления, о принципе и формах вины, об основании уголовной ответственности (статьи 5, 8, 14, 24 и 25).

К Общей части УК Российской Федерации отнесены и нормы об основаниях и условиях освобождения от уголовной ответственности (отсутствие которых – одна из обязательных предпосылок для привлечения к ней), включая специальные правила, применяемые к виновным в экономических преступлениях (преступлениях экономической направленности). Так, часть вторая его статьи 76¹ содержит императивное правило об освобождении от уголовной ответственности за указанные в ней преступления, если впервые совершившее такое деяние лицо, в частности, перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате

совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы данного дохода. Подобное регулирование предполагает, что при установлении размера дохода в качестве признака преступления согласно нормам Особенной части данного Кодекса, перечисленным в части второй названной статьи (включая часть первую статьи 171 и часть первую статьи 178 данного Кодекса), и при определении размера перечисления в бюджет для целей освобождения от уголовной ответственности по тем же составам преступлений этот термин не может применяться в разных смыслах.

Об устойчивости сложившейся судебной практики свидетельствует пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», согласно которому доходом для целей денежного возмещения признается общая сумма незаконного обогащения, полученная в результате совершения преступления (без вычета произведенных расходов), в денежной (наличные, безналичные и электронные денежные средства в рублях или в иностранной валюте) или в натуральной форме (движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги и др.).

Указанное относится ко всем нормам Особенной части УК Российской Федерации, перечисленным в части второй статьи 76¹ данного Кодекса, среди которых законодатель предусмотрел часть первую статьи 171 и часть первую статьи 178, что не может не означать и проецирования этого толкования на часть вторую статьи 178.

3.3. Противоположный подход – предполагающий при определении размера дохода (крупного и особо крупного) учет для целей статьи 178 УК Российской Федерации суммы понесенных расходов, включая уплаченный (подлежащий уплате) налог, нормы прибыли – приводил бы к тому, что приготовление к преступлению или покушение на преступление, когда соответствующие расходы еще не понесены, при прочих равных влекли бы

более тяжкие последствия для нарушителя, нежели оконченное преступление (статьи 29 и 30 данного Кодекса), когда понесенные расходы поддаются документальному подтверждению и оценке. Либо такой подход полностью исключал бы стадии приготовления к преступлению и покушения на преступление, допуская квалификацию деяния лишь в качестве оконченного преступления и лишь тогда, когда исчислены все расходы, притом что присутствуют все иные признаки картельного сговора. Это явно противоречило бы задачам данного Кодекса, в частности по предупреждению преступлений, принципам справедливости и гуманизма, законности и равенства, целям и общим началам назначения уголовного наказания (статьи 2, 3, 4, 6, 7, 43 и 60), вступало бы в противоречие с запретом экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, с обязанностью соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, с принципом равенства перед законом и судом, с гарантиями поддержания и защиты конкуренции, свободы экономической деятельности, не отвечало бы установленным законодателем правовым основам единого рынка и ценовой политики, а потому нарушало бы требования ее статей 8 (часть 1), 15 (часть 2), 19 (часть 1) и 34 (часть 2).

Учет же расходов, которые только предполагаются в будущем, проблематичен в силу рискованного характера предпринимательской деятельности, поскольку ее экономический результат, влияющий в том числе на ее налоговые последствия, зависит как от внешних обстоятельств, так и от решений, принимаемых хозяйствующим субъектом. В ситуации покушения на ограничение конкуренции (как это имело место в уголовном деле С.Ф.Шатило), когда преступная деятельность прервана (преступление не окончено) и расходы хозяйствующим субъектом еще не понесены, предположение о том, что для определения размера дохода надо учитывать расходы, было бы лишено всякого смысла: поскольку нет сопутствующих экономической деятельности расходов, нельзя вычленивать и сумму дохода, отождествлявшегося бы в таком случае с прибылью.

Изучение судебной практики применения статьи 178 УК Российской Федерации показало, что суды понимают под доходом, в том числе при покушении на предусмотренное этой статьей преступление (приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 10 марта 2021 года по делу № 1-18/2021), суммы, поступившие по государственному или муниципальному контракту (приговоры Калужского районного суда Калужской области от 24 февраля 2022 года по делу № 1-1-8/2022 и Волжского районного суда города Саратова Саратовской области от 3 декабря 2019 года по делу № 1-243/2019), и стоимость (цену) контрактов (приговоры Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 23 декабря 2019 года по делу № 1-1041/2019 и Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 15 сентября 2020 года по делу № 1-82/2020).

Сложившееся понимание не ставится под сомнение и тем обстоятельством, что в проекте федерального закона № 848246-7 «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (принят Государственной Думой в первом чтении 15 декабря 2022 года) пункт 1 примечаний к статье 178 УК Российской Федерации гласит: под доходом в данной статье признается выручка от реализации товаров, выполнения работ, оказания услуг, извлеченная всеми участниками ограничивающего конкуренцию соглашения без вычета произведенных расходов. Законодатель вправе как текстуально закрепить сформировавшееся понимание этого термина, так и – если найдет правовые инструменты, позволяющие преодолеть указанные выше издержки другого варианта его истолкования, – скорректировать его содержание.

4. Таким образом, используемое в части первой и пункте «в» части второй статьи 178 УК Российской Федерации, а также в пункте 1 примечаний к данной статье понятие «доход», извлечение которого в крупном или особо крупном размере служит одним из условий (признаков) для привлечения к уголовной ответственности, в системе действующего правового

регулирования является определенным и применительно к заключению ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) с целью повышения, снижения или поддержания цен на торгах означает цену контракта, заключаемого по результатам таких торгов, без ее уменьшения на размер каких-либо расходов, в том числе произведенных или необходимых (планируемых) в связи с исполнением этого контракта, включая расходы по уплате обязательных публично-правовых платежей.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую и пункт «в» части второй статьи 178 УК Российской Федерации, а также пункт 1 примечаний к данной статье – как означающие в системе правового регулирования, что доходом, извлечение которого в крупном или особо крупном размере служит одним из условий (признаков) для привлечения к уголовной ответственности, применительно к заключению ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля) с целью повышения, снижения или поддержания цен на торгах является цена контракта, заключаемого по результатам таких торгов, без ее уменьшения на размер каких-либо расходов, в том числе произведенных или необходимых (планируемых) в связи с исполнением этого контракта, включая расходы по уплате обязательных публично-правовых платежей, – соответствующими Конституции Российской Федерации.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

№ 19-П

Конституционный Суд
Российской Федерации